

HISTORIA ROSSICA



О Л Е Г Х Л Е В Н Ю К

КОРПОРАЦИЯ САМОЗВАНЦЕВ

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА
И КОРРУПЦИЯ
В СТАЛИНСКОМ СССР

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Олег Хлевнюк

**Корпорация самозванцев.
Теневая экономика и
коррупция в сталинском СССР**

«НЛО»

2023

УДК [33(091)(47+57)«1948/1953»]:343.37
ББК 65.03(2)631

Хлевнюк О. В.

Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в
сталинском СССР / О. В. Хлевнюк — «НЛО», 2023 — (Historia
Rossica)

ISBN 978-5-44-482090-2

В начале 1948 года Николай Павленко, бывший председатель кооперативной строительной артели, присвоив себе звание полковника инженерных войск, а своим подчиненным другие воинские звания, с помощью подложных документов создал теневую организацию. Эта фиктивная корпорация, которая в разное время называлась Управлением военного строительства № 1 и № 10, заключила с государственными структурами многочисленные договоры и за несколько лет построила десятки участков шоссейных и железных дорог в СССР. Как была устроена организация Павленко? Как ей удалось просуществовать столь долгий срок – с 1948 по 1952 год? В своей книге Олег Хлевнюк на основании новых архивных материалов исследует историю Павленко как пример социальной мимикрии, приспособления к жизни в условиях тоталитаризма, и одновременно как часть советской теневой экономики, демонстрирующую скрытые реалии социального развития страны в позднесталинское время. Олег Хлевнюк – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ.

УДК [33(091)(47+57)«1948/1953»]:343.37

ББК 65.03(2)631

ISBN 978-5-44-482090-2

© Хлевнюк О. В., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

| | |
|--|----|
| ВВЕДЕНИЕ | 6 |
| Почему Павленко? | 6 |
| Советские самозванцы и социальная мимикрия | 9 |
| Агенты теневой экономики | 15 |
| Источники для исследования | 21 |
| Глава 1 | 23 |
| До войны | 24 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 29 |

Олег Хлевнюк

Корпорация самозванцев.

Теневая экономика и

коррупция в сталинском СССР

Всем друзьям и коллегам, где бы они ни жили

ВВЕДЕНИЕ

Почему Павленко?

В начале 1948 года бывший председатель легальной строительной кооперативной артели Николай Павленко организовал нелегальное предприятие, которое строило шоссейные и железнодорожные ветки для различных государственных ведомств. Используя подложные документы, печати и бланки, Павленко в разное время называл организацию Управлением военного строительства (УВС) № 1 и № 10, которое подчинялось якобы Военному министерству СССР. Фальсифицируя приказы военного ведомства, Павленко присвоил себе звание полковника инженерных войск, а своим помощникам – другие воинские звания. Все они носили военную форму, недостатка которой в стране тогда не наблюдалось.

Предпринимательство под видом военной организации имело ряд преимуществ. Было проще открывать счета в отделениях Госбанка и Промышленного банка СССР – главных советских финансовых институтах. Псевдвоенный фасад помогал заключать подрядные договоры с государственными организациями, получать у заказчиков и периодически присваивать строительную технику и т. д.

Достаточно быстро предприятие Павленко пошло в рост. Создавались новые площадки в различных городах и поселках Украины, Молдавии, Эстонии, России. В общей сложности в 1948–1952 годах корпорация Павленко вела работы в 32 населенных пунктах¹. Всего за этот период, как утверждалось потом в материалах суда над руководителями организации, были заключены 64 договора на строительство различных объектов на сумму более 38 млн руб.² На стройках были заняты сотни рабочих. Кроме того, поддерживая легенду военной организации, Павленко организовал собственную охрану – отряд из нескольких десятков человек, вооруженных стрелковым оружием.

Полученные по договорам деньги в целом были отработаны. Намеченные объекты построены или находились в процессе строительства. Провал организации, как это часто бывает, произошел достаточно случайно. Один из рядовых работников организации, обиженный обчетом, написал жалобу в Москву. Там, хотя и не сразу, начали проверку, которая при-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 30.

² http://voen-sud.ru/about/delo_pavlenko.php (дата обращения 31.01.2017). См. также подсчеты в главе 3 этой книги. Такая сумма выполненных работ была сопоставима с затратами на возведение многих важных объектов. Так, согласно планам, в начале 1950-х годов Министерство внутренних дел СССР силами заключенных должно было построить металлические мосты через реку Неман стоимостью 17 млн руб., автодорогу Владивосток – Угольная стоимостью 48 млн руб. и мост через Оку у города Коломны стоимостью 50,1 млн руб. (История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М.: Росспэн, 2004. С. 266–267). О значительности этой суммы свидетельствуют также данные об уровне цен и доходов населения, приведенные в главе 5 этой книги.

вела к неожиданному результату: организация под названием УВС в системе Военного министерства не значится, а является фиктивной.

В ноябре 1952 года, за несколько месяцев до смерти Сталина, Павленко и часть его сотрудников были арестованы. В период ликвидации организации число ее участников, как утверждали следственные органы, достигало свыше 300 человек, из которых около 40–50 входили в вооруженную охрану. При этом были изъяты 21 винтовка и карабин, 9 автоматов, 3 ручных пулемета, 19 пистолетов и револьверов, 5 гранат, более 3 тыс. боевых патронов, 32 грузовые автомашины и 6 легковых, 2 трактора и столько же экскаваторов, 14 фиктивных гербовых печатей и тысячи различных фиктивных бланков, отпечатанных типографским способом³.

О ходе арестов и следствия информировали высшее руководство страны, включая Сталина. Вопрос рассматривался в Совете министров СССР⁴. Всего на начальном этапе следствия прокуратура располагала картотекой на 1150 человек, так или иначе причастных к деятельности организации Павленко⁵.

Длительное следствие по делу УВС началось во времена последних всплесков сталинского террора и продолжилось в условиях относительного ослабления репрессий после смерти Сталина. В результате часть приговоров оказались значительно более мягкими, чем они были бы при Сталине. Кроме того, большое число партийно-государственных чиновников и хозяйственников подверглись наказаниям по партийной линии за утрату «бдительности» и некорыстные связи с преступниками. Кульминацией был закрытый процесс по делу ядра организации во главе с самим Павленко, который проходил в военном трибунале Московского военного округа. Суд начался в ноябре 1954-го, через два года после разгрома организации, и завершился в начале апреля 1955 года. По приговору суда Павленко был расстрелян, а 16 его ближайших соратников получили различные сроки заключения в лагеря⁶.

В числе прочего на суде была озвучена не самая значительная, но примечательная деталь из жизни УВС. В случае возникновения проблем члены команды посылали в «штаб» телеграммы, в которых говорилось: «Появились серьезные заболевания». Это означало, что требуется приезд и личное вмешательство Павленко⁷. Суд не сомневался, и совершенно справедливо, что именно Павленко был главной движущей силой и хозяином этой строительной организации. Именно в этом качестве Павленко интересен и историкам. В жизни Павленко, одного из крупнейших теневых предпринимателей сталинской эпохи, отразились многие важные черты большой советской истории и государственно-социалистической реальности.

Однако, как это часто бывает, первыми в очереди «за Павленко» оказались не ученые, а журналисты. В интернете легко найти публицистические статьи, репортажи, видеоролики и документальные фильмы о жизни советского «преступника № 1». Так называют Павленко некоторые авторы – очевидно, с целью привлечь к своим выступлениям внимание публики. С этой же целью в оборот пускаются многочисленные легенды и конспирологические предположения. Например, о причастности к делу Павленко Л. И. Брежнева. Однако кроме очевидного факта, что Павленко действовал в Молдавии в период, когда эту республику возглавлял будущий генеральный секретарь, реальных свидетельств о причастности Брежнева к этому делу нет.

Выступления журналистов сделали свое дело. Павленко превратился в хорошо известного персонажа советской истории. Конечно, о нем вряд ли напишут биографию для серии

³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 46 об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 21–33, 246; *Киевская Л. и др.* «Основной костяк подбирался из преступников» // Источник. 1996. № 4. С. 130–135 (докладные записки генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова И. В. Сталину о раскрытии организации Павленко).

⁵ См. главу 8.

⁶ См. главу 8.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 57 об.

ЖЗЛ, хотя он был не менее «замечательным» человеком, чем многие персонажи книг этой серии. Однако в статье «Википедии» о селе Новые Соколы Киевской области уже сообщается: «В этом селе родился Николай Павленко». В той же «Википедии» есть средних размеров статья о самом Павленко.

Несмотря на наличие такого контекста, в этой книге я решил не принимать его в расчет. Цель этой работы вовсе не в том, чтобы представить увлекательный детективный сюжет из истории организованной преступности и борьбы с ней, что преимущественно интересует публицистику. Главная задача книги – изучить корпорацию Павленко как часть советской социально-экономической действительности, открывающую многие незаметные и малоисследованные черты общего. Речь идет прежде всего о скрытых сторонах советской повседневности, о теневой экономике и неформальных социальных отношениях и связях. Как будет показано далее, эти явления и процессы вовсе не находились на периферии советской жизни. Они были прочно вплетены в нее.

Историографически эта книга находится на пересечении двух потоков литературы. Первый – исследования советской социальной мимикрии, способов приспособления человека к жизни в условиях тоталитаризма. Второй – история теневой (или, как ее нередко называют, второй) экономики в СССР. Обе эти проблемы не только важны, но и недостаточно изучены. Прежде всего, нам не хватает конкретных фактов и знаний, новых источников. Соответствующая информация лишь в незначительной мере просачивалась в официальные партийно-государственные документы и периодику. Материалы о корпорации Павленко – один из источников, постепенное накопление которых выведет исследование скрытых, но важных тенденций развития советской системы на новый уровень.

Советские самозванцы и социальная мимикрия

Есть все основания причислить Павленко и многих его сотрудников к советским самозванцам. Начиная с военного периода и вплоть до ареста после войны они существовали в нелегальном пространстве, выдавая себя за тех, кем на самом деле не были. Нелегальной и самозванной была и созданная ими организация.

Широко распространенное повсюду в мире, самозванство не обошло и Советское государство. Еще до открытия архивов мы знали о нем благодаря самым известным советским самозванцам – Остапу Бендеру и детям лейтенанта Шмидта, литературным героям Ильфа и Петрова, имевшим некоторые реальные прототипы. Периодически информация о самозванцах появлялась в советской печати в рубрике происшествий и в судебной хронике. Когда приоткрылись архивы, историки, хотя и не ставили перед собой такую специальную задачу, периодически натывались на новые случаи самозванства и мошенничества. И хотя невозможно сказать, сколько Остапов Бендеров бороздили необъятные просторы СССР, появляется возможность определенной систематизации известных случаев и выведения некоторых общих черт этого явления в контексте советской социальной мимикрии в целом⁸.

Советские самозванцы были разными. Среди них были профессиональные мошенники, зарабатывавшие при помощи самозванства свой хлеб и не только. Многие из них напоминали Остапа Бендера, хотя мы, конечно, не знаем, читали ли они роман Ильфа и Петрова и насколько вдохновлялись его героями. Целью этой категории самозванцев было получение быстрых денег путем мошенничества. Трижды судимый до войны Кухтенко в 1943 году выкрал штампы и печать Московской районной инспекции Наркомата топливной промышленности. В различных городах СССР он выдавал себя за члена правительства, уполномоченного СНК СССР и т. д. По фальшивым документам получал большое количество продовольственных карточек, затем продавал их. В 1945 году Кухтенко был арестован и приговорен к расстрелу. В 1944 году некто Сперанский получил в Челябинске значительное количество продуктов по фальшивым документам на имя директора ансамбля песни и пляски Ленинградского фронта под управлением И. Дунаевского⁹.

Распространенным приемом самозванцев, особенно в послевоенные годы, была фабрикация «героического» образа. Так, 22-летний А. Рыбальченко в 1945 году на основании поддельных документов объявил себя Героем Советского Союза. Одевшись в военную форму, он ездил по Иркутской области и при поддержке партийных комитетов рассказывал о своих «подвигах». Взамен Рыбальченко получал материальную помощь продуктами и промышленными товарами¹⁰.

Чуть позже этот прием максимально усовершенствовал один из наиболее известных на сегодня послевоенных самозванцев В. Вайсман, арестованный в июне 1947 года. О деятельности Вайсмана НКВД информировал высших руководителей страны, включая Сталина, благодаря чему этот случай попал в поле внимания историков¹¹. Как выяснило следствие, 33-летний Вайсман был с детства неоднократно судим за кражи. Бежав в 1944 году из лагеря, он обморозился и лишился обеих ног и кисти руки. Став инвалидом, Вайсман за 20 тыс. руб.

⁸ Важные наблюдения на эту тему см.: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: Росспэн, 2011. С. 301–342.

⁹ *Аполовников А. А., Пасс А. А., Потемкина М. Н., Усольцева Н. Л.* Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 227–228.

¹⁰ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 324.

¹¹ Москва послевоенная, 1945–1947: Архивные документы и материалы / Сост. М. М. Горинов и др. М.: Мосгорархив, 2000. С. 478–480. Документы хранятся в комплексе копий сообщений НКВД СССР Сталину (так называемая «особая папка Сталина») в ГА РФ (Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 65–79). См. об этом деле также: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 325–328.

купил наградную книжку дважды Героя Советского Союза. Надев на пиджак орденские планки и несколько медалей, вооружившись наградной книжкой героя, Вайсман в 1946–1947 годах действовал по стандартной схеме.

Сначала он втирался в доверие к руководителям местных предприятий и учреждений, получая реальные справки о вымышленной работе на данном предприятии до войны. С этими документами он отправлялся в Москву, где записывался на прием к соответствующим министрам или их заместителям. У этих высоких начальников он просил и получал значительную материальную помощь в денежной и натуральной форме. Всего следствие документально подтвердило выплаты Вайсману более чем в 20 ведомствах. Одно и то же министерство Вайсман мог посетить несколько раз, соблюдая из предосторожности значительный временной интервал. Так, в июне 1946 года по распоряжению министра речного флота СССР Вайсману как «бывшему мотористу Амурского речного пароходства» выплатили 2,3 тыс. руб. (чуть более четырех тогдашних среднемесячных зарплат) и выдали несколько отрезков ткани. Через год в мае 1947 года в том же министерстве Вайсман получил 2 тыс. руб., одежду и обувь.

Несколько тысяч рублей и некоторое количество промтоваров были обычным набором единовременной помощи, которую удавалось приобрести Вайсману. Особенно привлекательными были, конечно, даже не деньги, а дефицитные промышленные товары, имевшие на черном рынке огромную ценность. Следствие выяснило, что только по распоряжению наркома финансов СССР А. Г. Зверева Вайсману как «бывшему шоферу Киевской городской конторы Госбанка» выделили тканей, обуви и других промтоваров на сумму более 20 тыс. руб. Очевидно, что речь шла о государственных ценах, которые были в несколько раз ниже рыночных. В общем, обороты «предприятия» Вайсмана были более чем внушительными.

Еще одна группа самозванцев использовала «улучшенные» и «героические» биографии для повышения своего социального статуса, выгодного трудоустройства и получения различных преимуществ в государственных структурах. Представителем этого направления самозванства был сын «кулака» Степан Подлубный, получивший широкую известность благодаря подробному исследованию его дневника в русле проблематики советской субъективности. Подлубный жил по поддельным документам о пролетарском происхождении и пытался делать карьеру, подчеркнуто демонстрируя преданность Советскому государству¹². Пример циничного самозванца-мошенника представлял В. Громов, архивное дело которого исследовала и вписала в контекст эпохи Голфо Алексопулос¹³. Осужденный в 1935 году, Громов имел богатую биографию, неоднократно привлекался к уголовной ответственности, избегал наказаний, выдавал себя за сотрудника ОГПУ, бывшего красного партизана, специалиста-инженера и т. д. Громов нанимался на высокооплачиваемую работу в разные организации. В ряде случаев он некоторое время работал в них. В других, получив деньги, – быстро исчезал.

Большее постоянство демонстрировали другие самозванцы, выбравшие путь карьерного роста. С. Месхи выдавал себя за старого большевика, героя Гражданской войны и даже одного из легендарных бакинских комиссаров. Благодаря этому он дослужился до должности директора московского отделения «Интуриста» и в 1935 году попал под суд за сексуальные преступления¹⁴. Машинист паровоза на Омской железной дороге Егоров при поступлении на работу в конце 1938 года указал в листке по учету кадров, что он дважды награжден орденами Красного Боевого Знамени (за бои у озера Хасан) и Красной Звезды (за «выдающиеся заслуги» в Монголии).

¹² Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 197–258.

¹³ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 4. P. 774–790.

¹⁴ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 311 (по публикациям в газете «Известия» (1935. 10 июля, 22 июля)). Другие подобные примеры см.: Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 312–313, 322.

Приняв эти заявления Егорова за чистую монету, администрация железнодорожного депо и другие местные руководители никогда не проверяли наличие у него соответствующих наградных документов и самих орденов, которые он никогда не носил. Самозванство Егорова приносило ему существенные социальные дивиденды. Местные власти, как сообщал прокурор железной дороги в Москву, «стали Егорову создавать авторитет, окружили его особым вниманием, приглашали его как почетного гостя на торжественные заседания и пр.»¹⁵. Егоров был арестован в мае 1941 года.

В годы войны самозванство приобретало новые черты, нередко было связано с дезертирством из армии или уклонением от призыва. Герой этой книги также впервые использовал методы самозванства именно в военный период, создав свою первую фиктивную военно-строительную часть. В результате Павленко и его сотрудникам фактически удалось ускользнуть из-под контроля военно-мобилизационной системы и пережить войну в сравнительно безопасных условиях в тыловых частях.

В военный период самозванство распространилось как метод дезертирства. Совершив побег из части, 22-летний военнотружущий Гаджиев сфабриковал себе документы военного врача и благодаря им передвигался по разным городам, скорее всего промышляя кражами. Попался на краже чемодана в Баку. В декабре 1942 года был осужден к 10 годам заключения, но вскоре освобожден для направления на фронт¹⁶. В документах можно найти примеры и более изощренных методов самозванства дезертиров. Так, в июле 1942 года, в критический период поражений, руководство Саратовского обкома партии отправило в ЦК ВКП(б) и Политуправление Красной армии сообщение о разоблачении группы из трех военнотружущих-дезертиров, действовавших по типичному сценарию «героического» самозванства¹⁷. Ее возглавлял лейтенант Юрьев, представлявшийся по сфабрикованным документам Героем Советского Союза. Сбежав из воинской части по подложным командировочным удостоверениям, эти дезертиры разъезжали по городам Поволжья в роли героев войны. В Пензе, посетив двух секретарей обкома партии, Юрьев был привлечен к участию в серии пропагандистских мероприятий: выступал на собраниях перед рабочими и интеллигенцией, по радио и т. д. Аналогичным образом Юрьев действовал в Куйбышеве, Вольске и Ртищеве, где при поддержке партийных руководителей встречался с населением и курсантами военных училищ. Эта активность сопровождалась банкетами, оказанием материальной помощи «герою». В этом случае самозванство не только обеспечивало средства для существования, но позволяло легализовать дезертирство под видом командировок и участия в военной пропаганде.

Для темы этой книги особый интерес представляет профессиональное самозванство, прикрывающее частное предпринимательство, поскольку именно этот принцип лежал в основе деятельности Павленко. Несколько примеров дают представление об этом явлении.

В январе 1947 года в Ленинграде был осужден к расстрелу Б. М. Баршай, занимавшийся нелегальными торгово-посредническими операциями. Осужденный в 1934 году к 10-летнему сроку за хищения, он быстро нашел применение своим предпринимательским талантам в лагере. Баршай получил должность начальника финансового отдела лагеря и право свободного передвижения, в том числе в длительные командировки в другие города. Воспользовавшись этими возможностями, он приобрел новые документы (паспорт и военный билет) на чужое имя и бежал из лагеря. Работал начальником финансового отдела, коммерческим директором на ряде предприятий Урала. Был вновь арестован за должностные злоупотребления, но, дав согласие сотрудничать с НКВД (похожий эпизод, как мы увидим далее, был и в жизни Павленко), освобожден. В конце войны Баршай, судя по всему, спасаясь от новых обвинений,

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 142. Л. 203–205.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7863. Оп. 2. Д. 24. Л. 163.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 174. Л. 109–111.

бежал в Среднюю Азию, а оттуда в Москву. В столице он приобрел новые документы о службе на железной дороге, а также орден Красной Звезды (как утверждал Баршай, за 700 руб.). По купленным командировочным удостоверениям и нарядам на железнодорожный вагон он перевозил из Ленинграда пряжу, полученную при помощи махинаций через кооперативную артель, в Харьков. Там после реализации пряжи вагон загружался новыми товарами, которые доставлялись в Ленинград¹⁸.

В этом ряду можно отметить также схемы некоего Сеницына, арестованного осенью 1947 года в Симферополе. Выдавая себя за Героя Советского Союза, он вел частную торговлю. Под прикрытием «героической» легенды Сеницын получал в государственных учреждениях грузовой транспорт, на котором выезжал для скупки хлеба в Херсонскую область. Приобретенные таким путем продукты в условиях голода с прибылью продавались на рынке в Симферополе.

При обыске в квартире Сеницына была найдена поддельная медаль «Золотая Звезда» и пистолет с боевыми патронами¹⁹. Нельзя исключить, что сфабрикованное звание героя Сеницын использовал и в других, оставшихся неизвестными операциях такого рода. Пока же мы не очень много знаем о самозванцах-предпринимателях. Тем интереснее пример Павленко, свидетельствовавший о возможности длительно и успешно маскировать свою деятельность псевдолегитимным фасадом.

Известные сегодня случаи советского самозванства позволяют лучше понять контекст деятельности организации Павленко. После войны самозванство было тесно связано с военными атрибутами и извлекало преимущества из высокого статуса героев победоносной войны. Наличие в стране многих миллионов бывших фронтовиков, повсеместное распространение военной формы и наград облегчали использование псевдвоенных «героических» легенд.

С легкостью приобретались поддельные документы и награды. В докладной записке НКВД высшему руководству страны по делу Вайсмана, например, говорилось: «В ходе следствия Вайсман показал, что уголовные преступники в случаях надобности имеют возможность купить медали и ордена Союза ССР за определенно установленные цены. При этом он привел пример, что был очевидцем, когда один уголовник купил у майора Советской Армии, возвращавшегося из отпуска, за 800 руб. орден Ленина, но без орденской книжки»²⁰. У нас нет оснований преувеличивать масштабы этого явления, но нужно учитывать, что в 1941–1945 годах награжденным было выдано более 13 млн орденов и медалей²¹.

Многолетняя активность советских самозванцев-мошенников, следы которой прослеживаются в источниках разных периодов, свидетельствовала и об определенной уязвимости советского аппарата управления. Несмотря на громоздкий и навязчивый официальный дискурс «бдительности», советские чиновники в повседневной жизни нередко руководствовались прямо противоположными принципами безоглядного доверия. Их «доверчивость» могла быть оборотной стороной чрезвычайной бюрократизации и многочисленных ограничительных инструкций, которые затрудняли процессы управления, способствовали выстраиванию параллельных неформальных каналов и методов ведения дел. Как это происходило на практике, позволяют понять конкретные случаи, в том числе деятельность организации Павленко²².

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 66. Д. 101. Л. 1–13.

¹⁹ Богданов С. В., Остаюк В. Г. Послевоенное советское общество: власть, население, экономическая преступность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2017. № 8. Вып. 42. С. 151. Из сообщения руководства НКВД СССР Сталину (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 126).

²⁰ Москва послевоенная. С. 480.

²¹ Кондакова И. и др. Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Источник. 1998. № 3. С. 134.

²² См. главу 4.

Хотя государство объявляло самозванцев и мошенников пережитками прошлого, они находили многочисленные ниши для существования в советском настоящем, доказывая, что имеют полное право на принадлежность к новой эпохе. Наиболее яркие примеры самозванства, как тот, что рассматривается в этой книге, были лишь вершиной айсберга. Социальная мимикрия, концентрированным выражением которой выступало самозванство, притворное приспособление к требованиям государства и, при всяком удобном случае, уклонение от них были присущи образу жизни части населения страны.

Конечно, в отличие от активного противодействия (в отдельные периоды оно принимало форму вооруженных выступлений)²³, социальное притворство, уход во внутреннюю эмиграцию и другие практики маскировки во враждебном окружении агентов государства и их пособников не так легко зафиксировать и адекватно оценить. Хорошим примером этих трудностей могут служить историографические дискуссии о формировании так называемой «советской субъективности», о степени искренности приспособления советских граждан к роли «активных строителей социализма», предложенной государством.

Особое внимание в этом случае обращалось на освоение нового советского политизированного языка, которое Стивен Коткин назвал умением «говорить по-большевистски»²⁴. В дополнение (а часто в противовес) исследованиям о противодействии государству и о неконформизме, широкое распространение получили работы об активной и сознательной интериоризации официальных ценностей. Эти концепции встретили как поддержку, так и критику за выборочное и некорректное использование источников и умозрительные трактовки²⁵. Для понимания явлений и событий, изучаемых в этой книге, важно отметить наличие среди советского населения «уклончивого большинства, которое просто старалось выжить»²⁶. Условием выживания были и социальная мимикрия, и девиантные практики разной интенсивности.

Существование в экстремальных материальных условиях, нередко недоедания и голода, под давлением государственного насилия и террора толкало на путь обмана и преступлений (подчас это было преступлением лишь в советском понимании) даже самых законопослушных и робких людей. Заполняя длинные анкеты и другие документы, от которых зависело трудоустройство и даже свобода, советские граждане нередко конструировали новые биографии,

²³ Исследования об инакомыслии, разных формах противодействия и антиправительственных выступлениях появились благодаря частичному открытию архивов карательных органов и партийных материалов о массовых настроениях и действиях. См., например: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Росспэн, 1999; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.: Росспэн, 2001; *Тоценов С. В.* Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 года // Отечественная история. 2004. № 3. С. 42–47; *Rossmann J.* Worker Resistance Under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge MA, London: Harvard University Press, 2005; *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Росспэн, 2010; *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М.: Росспэн, 2010; *Фильтцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: Росспэн, 2011. Применительно к военному периоду антисоветские настроения могли принимать форму сотрудничества с врагом и дезертирства, хотя эти явления имели много других причин (*Edele M.* Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945. Oxford: Oxford University Press, 2017).

²⁴ *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California, 1995.

²⁵ Можно отметить своеобразную радикализацию этих исследований: от констатации наличия бенефициаров и социальной поддержки режима (*Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1932. Cambridge: Cambridge University Press, 1979) через исследование многофакторных механизмов восприятия советских процедур лояльности и официального языка (*Kotkin S.* Magnetic Mountain) к акцентированию активного и сознательного усвоения советских ценностей (*Хелльбек Й.* Революция от первого лица). О последнем направлении см.: *Edele M.* «What Are We Fighting for?» Loyalty in the Soviet War Effort, 1941–1945 // International Labor and Working-Class History. 2013. № 84. P. 248–268. О некритическом использовании источников для обоснования тезиса о советской сознательности см.: *Budnitskii O.* A Harvard Project in Reverse. Materials of the Commission of the USSR Academy of Sciences of the History of the Great Patriotic War – Publications and Interpretations // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. Vol. 19. №. 1. P. 175–202.

²⁶ *Edele M.* Stalin's Defectors. P. 174.

умалчивали о компрометирующих сведениях, меняли фамилии, «забывали» об опасных родственниках и т. д.

Произнося правильные речи или отмалчиваясь на митингах и собраниях, люди воровали (или брали свое?) у государства, платили взятки чиновникам (иначе невозможно было выжить). Добровольно или вынужденно многие соглашались на роль «маяков», которым начальство, также нередко находившееся под давлением, приписывало результаты чужого труда. Не редкостью было использование поддельных документов не только профессиональными самозванцами, но и обычными гражданами, решавшими текущие жизненные проблемы. Как показывают исследования и архивные источники, существовал заметный рынок паспортов, больничных листов, многочисленных справок и разрешающих документов и т. д.²⁷

Именно на таком фоне и в тесной связи с ним формировалась и действовала та часть советской экономики, которую принято называть теневой или второй. К ней принадлежала и изучаемая в этой книге строительная организация Павленко.

²⁷ См. главу 6.

Агенты теневой экономики

Самозванство Павленко и его сотрудников выступало в конечном счете прикрытием их частной экономической деятельности. Многочисленные исследования историков и экономистов позволяют лучше понять суть и место теневой (второй) экономики в советской системе²⁸. Общеизвестным является тезис о неоднородности советской экономики. Несомненно, в своей основе она была государственной и планово-централизованной. В руках государства находилась львиная доля производительных сил, включая формально кооперированное сельское хозяйство. Согласно планам распределялись основные материальные ресурсы и рабочая сила. Императивом советской политики было искоренение или жесткое регулирование негосударственных сегментов хозяйственной жизни. Интересы и намерения государства обеспечивались мощным аппаратом управления и многочисленными карательными органами²⁹.

Вместе с тем всеобщее огосударствление экономики было причиной ее общей неэффективности. Концентрируя ресурсы общества на развитии приоритетных, прежде всего военных проектов, государство угнетало и разрушало сельское хозяйство и социальную сферу, провоцировало резкое падение уровня жизни и периодические всплески голода. В условиях острых кризисов государство было вынуждено полагаться на частную инициативу крестьян, кустарей, мелких торговцев, действовавших на относительно свободном рынке. Это позволяло смягчить всеобщий дефицит потребительских товаров и угрозы перманентного голода.

Внеплановые регуляторы и практики децентрализации активно действовали даже в крупной государственной экономике. Государственные планы не были результатом научного целеполагания, как это представляла официальная пропаганда, а определялись путем своеобразного административного торга между производителями и руководящими партийно-государственными структурами. Страдая от сверхцентрализации, бюрократизации и разрывов произвольно установленных хозяйственных связей, государственные предприятия нередко находили собственные полулегальные и нелегальные рыночные способы решения хозяйственных проблем. Руководители государственных предприятий действовали одновременно и как чиновники-администраторы, и как предприниматели. Они искали ресурсы на относительно свободном рынке, устанавливали между собой нелегальные хозяйственные связи в обход Госплана, прибегали к припискам и иным способам смягчения давления со стороны государства³⁰.

В результате советская экономическая система, в том числе в ее наиболее жестко централизованном и принудительном сталинском варианте, включала в себя многочисленные рыночные (квазирыночные) элементы и частное предпринимательство. Эти формально инородные экономические практики можно называть внесистемными: они противоречили намерениям государства. Однако их вполне можно считать системными, поскольку они являлись органической частью советской экономики и играли в ней важную роль.

Как и во многих других случаях, наши знания о скрытых, слабо регулируемых государством социально-экономических процессах имеют отрывочный, несистематизированный характер. Для анализа советской теневой экономики на всем протяжении ее существования не хватает конкретных фактов. Как отмечала много лет назад Джулия Хесслер, «история частного

²⁸ Основопологающей считается работа: *Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. 26. № 5. P. 25–40.*

²⁹ *Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980; The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913–1945 / Eds R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Грегори П. Политическая экономика сталинизма. М.: Росспэн, 2008.*

³⁰ *Berliner J. S. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957; Harrison M., Byung-Yeon K. Plans, Prices, and Corruption: The Soviet Firm Under Partial Centralization, 1930 to 1990 // Journal of Economic History. 2006. Vol. 66. № 1. P. 1–41; Маркевич А. М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. М.: Росспэн, 2003. С. 20–54; и др.*

предпринимательства должна рассматриваться в числе наиболее значительных пробелов в изучении советской истории»³¹. С тех пор ситуация изменилась явно недостаточно. Крайне мало работ, позволяющих судить об организации и деятельности конкретных предприятий теневой экономики³². Лишь косвенную информацию о предмете содержат публикации, нацеленные на изучение деятельности советских правоохранительных структур в экономической сфере³³. В целом пока происходит постепенное накопление материалов об отдельных феноменах частного предпринимательства и квазирынка. Только в перспективе это может создать условия для систематического и комплексного исследования проблемы. Шагом в этом направлении является также моя книга.

Вместе с тем имеющаяся литература и архивные источники позволяют охарактеризовать некоторые основные элементы советской второй (полностью теневой или полулегальной) экономики. Именно в этом контексте действовала организация Павленко, и именно в этих рамках ее целесообразно изучать и оценивать.

Прежде всего, важно отметить вынужденное сохранение в советской экономической системе достаточно крупного сектора личных крестьянских хозяйств. Это было существенной уступкой сталинского государства, в принципе нацеленного на полное обобществление сельского хозяйства в рамках колхозов и совхозов. Коллективизация породила страшный голод в начале 1930-х годов. Личные хозяйства были важной, хотя и негарантированной страховкой от голода.

Несмотря на незначительные размеры каждого личного хозяйства, в совокупности в силу более высокой, чем в колхозах, производительности труда они производили значительную часть продовольствия. Так, по официальным данным, в 1938 году посевные площади личных крестьянских хозяйств составляли около 4,6 % от площадей, находившихся в распоряжении колхозов. Несмотря на это, в 1937 году даже по официальным данным их продукция составляла четверть от всей колхозной продукции (по обобществленному и личному хозяйствам), включая 38,4 % овощей и картофеля и 67,9 % мяса и молока³⁴.

Эта тенденция сохранялась во время и после войны. По официальным данным, удельный вес личных подсобных хозяйств колхозников в валовой продукции сельского хозяйства страны достиг максимума (20,2 %) в 1946 году, а затем, несколько снизившись под давлением государства, все равно находился на высоком уровне. В 1949–1951 годах он составлял в среднем около 18 %³⁵. При этом, как и прежде, приусадебные хозяйства колхозников составляли незначительную часть посевных площадей колхозов – 4,5 % в 1951 году³⁶. Однако, используя эти клочки земли, частные хозяйства колхозников оставались важнейшими производителями многих видов сельскохозяйственной продукции, прежде всего животноводческой. Например, в личных хозяйствах колхозников в 1952 году содержалось 45 % всех коров, имевшихся в стране, а в колхозах только 32 %³⁷.

³¹ *Hessler J.* A Postwar Prestoika? Towards a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review*. 1998. Vol. 75. № 3. P. 517.

³² *Cadiot J.* L' affaire Hain, Kyiv, hiver 1952 // *Cahiers du Monde Russe*. 2018. Vol. 59. № 2–3. P. 255–288; *Khlevniuk O. V.* The Pavlenko Construction Enterprise. Large-scale Private Entrepreneurialism in Stalin's USSR // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. № 6. P. 892–906; *Heinzen J. W.* Soviet Entrepreneurs in the Late Socialist Shadow Economy: The Case of the Kyrgyz Affair // *Slavic Review*. 2020. Vol. 79. № 3. P. 544–565.

³³ Наиболее полезной для данного исследования была серия публикаций петербургских авторов: *Говоров И. В., Кокуев С. Б.* Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930–1940-х годах // *Вопросы истории*. 2008. № 12. С. 24–35; *Говоров И. В.* Разгул преступности в послевоенном Ленинграде и области // *Вопросы истории*. 2003. № 4. С. 139–143.

³⁴ *The Economic Transformation*. P. 127; Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сб. М.; Л.: Госпланиздат, 1939. С. XI.

³⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 55 об.

³⁶ Там же. Л. 63 об.

³⁷ Там же. Л. 66.

Логика предпринимательской деятельности толкала крестьян на расширение частных хозяйств сверх ограничений, предусмотренных законом. В деревне, несмотря на контроль и давление со стороны государства, постоянно существовали элементы теневой экономики. Распространение получила нелегальная аренда колхозных земель под частные хозяйства. Крестьяне-арендаторы расплачивались с колхозами определенным количеством произведенной продукции. Такой подрядный способ ведения коллективного хозяйства повышал производительность³⁸.

Однако государство, прежде всего по идеологическим мотивам и вопреки очевидной экономической логике, считало подобные отношения неприемлемыми. Частные крестьянские хозяйства находились под сильнейшим налоговым прессом. Периодически проводились кампании против «разбазаривания колхозных земель». Они наносили сильные удары по индивидуальным крестьянским хозяйствам и сокращали количество продовольствия в стране³⁹. Ограничение частных крестьянских хозяйств было важным фактором всплесков голода и хронических продовольственных трудностей⁴⁰.

Существенный дефицит промышленных товаров служил почвой для теневой экономической активности ремесленников, объединенных в структуры промысловой кооперации, а также тех, кто работал индивидуально. Кустари занимались мелким ремонтом, шили одежду и обувь, производили некоторые продукты питания, в частности кондитерские изделия и т. д. Их деятельность жестко регламентировалась государством. Например, одежду и обувь разрешалось шить только на заказ, но не для продажи. В борьбе с такими ограничениями складывалась теневая экономика под крышей промысловой кооперации.

При Сталине в ней действовали так называемые «кустари-подпольщики», которых исследователи считают прообразом «цеховиков» периода позднего социализма. Они лишь формально числились членами промысловой кооперации, используя ее как легальное прикрытие. Такие предприниматели были нацелены на изготовление для рынка дефицитных товаров, в число которых входило тогда большинство предметов повседневного потребления. Для производства нередко привлекались сырье и материалы, похищенные на государственных предприятиях⁴¹.

Как показали исследования в архивах, спрос на изделия и услуги частников особенно сильно вырос в годы войны, когда государство резко сократило свое участие в производстве товаров широкого потребления. Отчасти компенсируя рыночный спрос, мелкие частные предприниматели производили одежду, обувь, некоторые продукты питания. Для республик Средней Азии и Закавказья были характерны частные кафе и гостиницы. Все эти виды мелкого предпринимательства получили столь широкое распространение, что финансовые органы на местах и в центре после войны начали лоббировать их легализацию с целью обложения налогами. Однако эти проекты не получили поддержки высшего руководства страны и были

³⁸ В 1970-х годах раздача земель коммунальным хозяйствам в частное пользование крестьянам на основе аренды была пусковым механизмом китайских реформ (Gregory P., Zhou K. How China Won and Russia Lost: Two Dissimilar Economic Paths // Policy Review. 2009. № 158. P. 35–50).

³⁹ Известны две наиболее значительные кампании борьбы с индивидуальными крестьянскими хозяйствами в сталинский период. Первая проводилась в 1939 году (Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939. М.: Наука, 2006. С. 241–250; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: Росспэн, 2008. С. 272–287). Вторая началась в 1946 году с постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 года. В нем говорилось, что «расхищение общественных земель идет по линии увеличения приусадебных участков колхозников путем самовольных захватов или незаконных прирезок со стороны правлений и председателей колхозов в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному» (Правда. 1946. 20 сентября).

⁴⁰ Круглов В. Н. «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: Росспэн, 2014. С. 403–446.

⁴¹ Говоров И. В., Кокуев С. Б. Теневая экономика. С. 27; Пасс А. А. «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. Челябинск: ЧелГУ, 2002.

осуждены как политически вредные. Кооперативные структуры и индивидуальные предприниматели подверглись массовым чисткам, включая аресты⁴². Однако нелегальное производство товаров широкого потребления нельзя было искоренить, поскольку оно выполняло важную роль частичного насыщения рынка в советской дефицитной системе.

Как утверждают исследователи, в отличие от 1930-х годов, когда к уголовной ответственности привлекались в основном кустари-одиночки, в 1940-х годах наблюдалось укрупнение и усложнение теневых кустарных производств. Часто формировались «организованные группы кустарей-подпольщиков, имеющие орудия производства, использующие наемную рабочую силу». Они срашивались с различными расхитителями, приобретали через них «сырье и материалы, похищенные с государственных предприятий».

Примером такой организации была группа кустарей-сапожников, ликвидированная в Ленинграде в 1951 году. В нее входили сапожники-кустари, работники артелей и складов, снабжавшие их похищенным сырьем, сотрудники комиссионных магазинов и спекулянты, осуществлявшие сбыт произведенной обуви, профессиональные уголовники, обеспечивавшие «безопасность» (как сказали бы мы сейчас, «крышавшие» его), а также должностные лица контрольно-ревизионного аппарата учреждений ленинградской торговли, которые прикрывали деятельность организации – еще одна «крыша». Всего по делу проходили 23 человека⁴³.

Значительная часть продукции крестьянских хозяйств, промысловой кооперации и ремесленников-частников попадала на так называемые колхозные рынки, действовавшие на основании свободного ценообразования и не полностью подчиненные централизованному контролю. Эти рынки также были неизбежной уступкой сталинского государства реальностям социально-экономического развития, прежде всего в периоды кризисов⁴⁴. В свою очередь, колхозные рынки были важной основой развития одного из самых многочисленных видов советского частного предпринимательства – торговли. Ликвидация частной торговли в период сталинского скачка в конце 1920-х – начале 1930-х годов привела к тому, что государственные магазины не справлялись с рациональным регулированием и без того скудных потоков потребительских товаров. Негибкость и злоупотребления государственной торговли и карточного распределения усугубляли дефицит⁴⁵. В таких условиях частная торговля была загнана в подполье, но не исчезла совсем.

Частные торговцы преимущественно действовали в трех нишах советской экономической системы. Первая – реализация товаров крестьянских хозяйств, промысловых кооперативов и частных ремесленников. Вторая – перепродажа товаров из государственной торговой сети, которая приносила огромные прибыли благодаря значительной разнице цен в государственных магазинах и на свободном рынке. Третья – сбыт продукции, похищенной в государственных предприятиях.

На официальном советском языке деятельность частных торговцев называлась спекуляцией. Спекуляцией занимались две категории граждан страны: самостоятельные торговцы и работники государственной торговли. Огромное количество мелких самостоятельных спекулянтов скупали товары в городских магазинах, прежде всего в крупных и столичных центрах, которые обеспечивались лучше всего. Затем эти товары перепродавались на рынках, в местах

⁴² Hessler J. A Postwar Prestroika?; Чудинов И. А., Осинцов В. А. К 60-летию несостоявшейся налоговой реформы // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2008. № 9. С. 166–175; Осинцов В. А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири). Кемерово: КузГТУ, 2003.

⁴³ Говоров И. В., Кокшнев С. Б. Теневая экономика. С. 27.

⁴⁴ Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London: Macmillan, 1996. P. 201–228; Moskoff W. The Bread of Affliction: the Food Supply in the USSR During World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London; New York: Longman, 1991.

⁴⁵ Хлевнюк О. В., Дэвис Р. У. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 гг. // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–108.

несанкционированной торговли или через знакомых. Как правило, мелкие скупщики пользовались услугами работников государственных магазинов, которые за взятки обеспечивали продажу мелких партий товаров вне очереди. Нередко организаторами нелегальных сетей выступали и сами работники торговли. В этом случае государственные магазины, помимо легальной деятельности, выполняли функции перевалочных баз, через которые дефицитные продукты и изделия поступали в нелегальную сеть мелкой торговли⁴⁶.

Вместе с тем к середине 1940-х годов на советском черном рынке тоже складывались разветвленные организованные структуры. Их низшую ступень представляли мелкие уличные торговцы – «барышники», «золотари», «мясники» и др., действовавшие на рынках, «толкучках» и «барахолках», у магазинов, ломбардов, вокзалов и т. д. За ними стояли перекупщики-посредники, имеющие связи с другими регионами страны. В Ленинград, например, ввозились продукты питания из Прибалтики, а вывозились промышленные товары в Украину, Сибирь, Поволжье, Молдавию. Руководили этими структурами крупные спекулянты. Они организовывали процесс при помощи вовлеченных в дело работников транспорта, государственных торговых учреждений, карательных органов⁴⁷.

Во многих случаях в различных операциях в теневом секторе участвовали также работники государственных предприятий. Страдавшие от недостаточного снабжения в рамках плановой системы распределения ресурсов, они активно пользовались возможностями черного рынка материально-технических ресурсов, на котором заключались сделки полулегального или нелегального характера. Несанкционированные бартерные обмены между предприятиями, которые назывались тогда «товарообменные операции»⁴⁸, дополнялись приобретением сырья, материалов, оборудования на нелегальном рынке. В значительной мере эту внеплановую систему снабжения и реализации ресурсов обслуживали специальные агенты («толкачи»). Выполняя роль брокеров, они, с одной стороны, обеспечивали выполнение официальных плановых заказов предприятия. С другой стороны, «толкачи» закупали необходимые ресурсы на нелегальном рынке⁴⁹.

В совокупности частное предпринимательство и различные полулегальные и нелегальные операции в государственном секторе составляли вторую советскую экономику. Ее характерными чертами были отсутствие централизованного планирования; относительно свободное передвижение ресурсов на основе товарно-денежных отношений и прямых договоров между производителем и потребителем; широкое использование коррупционных схем для перекачки сырья, продовольствия и промышленных изделий из государственных фондов в структуры второй экономики. Высокий риск преследований со стороны карательных органов способствовал распространению коррупционных методов защиты от репрессий. Соучастниками в частном предпринимательстве были государственные служащие различных структур, включая контрольные, правоохранные, партийные и советские органы. Широко распространялись взятки⁵⁰.

⁴⁶ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»; Hessler J. A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004; Говоров И. В., Кокучев С. Б. Теневая экономика; Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

⁴⁷ Говоров И. В., Кокучев С. Б. Теневая экономика. С. 25–26.

⁴⁸ Это явление исследовалось только эпизодически. См.: Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Facade of Stalin's Command Economy: Evidence from the State and Party Archives / Ed. P. R. Gregory. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2001.

⁴⁹ Berliner J. S. Factory and Manager. P. 207–230; Хлевнюк О. В. «Толкачи». Параллельные стимулы в сталинской экономической системе. 1930-е – 1950-е годы // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59. № 2–3. P. 233–254.

⁵⁰ Говоров И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–81; Тепляков А. Г. О коррупции в органах НКГБ – МГБ СССР 1940–1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Красильникова. Новосибирск: Сова, 2009. С. 205–223; Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине (1943–1953). М.: Росспэн, 2021.

Корпорация Павленко занимала в этой системе свое место. Она отличалась определенными особенностями, но отражала общие черты теневой экономики в сталинском СССР.

Источники для исследования

Для подготовки этой книги принципиальное значение имели источники. Без достаточного количества документов, отражающих самые мелкие детали деятельности Павленко и его корпорации, задуманное исследование микроистории теневого частного предприятия было бы невозможно. Иначе говоря, чтобы сложить этот пазл в удовлетворительном виде, необходимо достаточное количество (пусть и не все) его фрагментов. Как хорошо знают историки, добывать такую конкретную, максимально приближенную к рутинной повседневности информацию совсем не просто. Ее источником являются прежде всего материалы личного происхождения: дневники, воспоминания, письма. Однако такие свидетельства никто из членов УВС не оставил и, судя по всему, не мог оставить.

Дневниково-эпистолярный жанр не был стихией этих людей, не слишком грамотных, но практичных. Не писали о корпорации Павленко (хотя бы в отрицательном ключе) и журналисты, лишив будущих историков еще одного важного источника информации о подробностях и впечатлениях. Вместе с тем истории с плохим концом (или с хорошим, как скажут многочисленные сторонники жесткого государства и «порядка») имеют для историков свои преимущества. Аресты, следствие и суды оставляют после себя длинный шлейф документов. Разбирательство различных государственных структур по делу организации Павленко было долгим и въедливым. В разных архивных фондах отложились справки об УВС, протоколы допросов арестованных и свидетелей, финансово-договорные документы и т. д.

В отличие от сфабрикованных политических дел речь в данном случае шла преимущественно об экономических преступлениях, конкретных и осязаемых. Способствовало относительной объективности следствия и суда также время – переход от сталинской диктатуры к «мягкому» авторитаризму эпохи десталинизации и XX съезда. Следователям и судьям теперь не приходилось изобретать несуществующие антисоветские заговоры и шпионские центры, а арестованным и подсудимым – повторять заученные нелепые «признания». Действуя в своих интересах, что-то скрывая, а что-то непомерно выпячивая, обе стороны оперировали реальными фактами, цифрами и документами. Такие источники открывают возможности для интерпретаций и оценок в целом достоверных данных. Все это важно и полезно.

Однако, как известно, историкам документов всегда мало. Тем более когда они знают, что какие-то из архивных материалов существуют, но по разным причинам недоступны. Это не всегда вредит делу, но обязательно вызывает досаду. Не стала исключением и работа над этой книгой. Несмотря на привлечение достаточного, на мой взгляд, комплекса источников, немало из них осталось за бортом.

Прежде всего, нужно отметить, что в первые недели после разгрома УВС следственные действия по делу велись в разных местах, где работала организация Павленко. Только через некоторое время следствие полностью перешло в Москву и сосредоточилось в руках Главной военной прокуратуры. Мне было совершенно точно известно, что соответствующие материалы сохранились в архивах Украины и Молдовы. В этих республиках в конце 1952 – начале 1953 года допрашивались арестованные Павленко и его сотрудники, велось партийное расследование в отношении чиновников, контактировавших с УВС. Благодаря щедрой помощи коллег-историков, о чем будет сказано в разделе «Благодарности» в конце этой книги, мне удалось получить значительный комплекс документов из бывшего партийного архива Молдовы. В нескольких толстых папках собраны протоколы допросов арестованных, справки госбезопасности, свидетельства об обсуждении вопроса в ЦК компартии Молдавии⁵¹. Однако работа с аналогичными украинскими источниками, к сожалению, была невозможна.

⁵¹ Arhiva Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Архив социально-политических организаций Республики Мол-

Лишь частичный доступ к материалам следствия был также в Москве. Соответствующее надзорное производство по делу УВС в фонде Прокуратуры СССР⁵² содержит ключевые документы, но не весь комплекс следственных документов, закрытых в соответствующем ведомственном архиве. Похожая проблема существует в отношении документов военных трибуналов, решавших судьбу участников организации Павленко и их пособников. Принципиальное значение для исследования имело выявление в фонде Верховного Совета СССР приговора трибунала в отношении руководящего ядра УВС. Эта обширная (более чем на 100 страниц типографского текста) брошюра в сжатом виде содержит основные факты и положения много-томных материалов суда, к которым у исследователей пока нет доступа⁵³. На основании текста приговора можно изучать многие подробности деятельности организации Павленко и отдельных ее членов. В этом же деле содержатся несколько пространных ходатайств Павленко, который оспаривал приговор и выдвигал аргументы в свою защиту⁵⁴.

Вместе с протоколами допросов в прокуратуре и МГБ, партийными опросами чиновников, погоревших на деле Павленко, такие заявления позволяют услышать своеобразный диалог обвиняемых и обвинителей. Во всех случаях, когда это позволяли источники, я старался реконструировать этот диалог. При этом не нужно, конечно, забывать, что обе стороны – обвиняемые и их обличители – преследовали свои интересы. Первые скрывали многие факты, чтобы смягчить приговор. Вторые подчеркивали и нередко преувеличивали преступный характер деятельности арестованных, чтобы сделать приговор более суровым. Однако в целом выявленные документы предоставляют многочисленные возможности для изучения теневых реалий советской жизни. Сами того не желая, следователи прокуратуры, МГБ и партийного контроля выступали в роли достаточно въедливых «социологов», проводивших «углубленные интервью» с подследственными, свидетелями и подозреваемыми.

Подводя итоги этому короткому обзору, можно сказать, что доступных источников об организации Павленко у нас много, но не так много, как хотелось бы. На самом деле это обычная ситуация для историка. В совокупности московский и молдавский комплексы документов оказались достаточными, чтобы вести исследование и написать эту книгу. Тем более что ее реальная источниковая база не ограничивается судебно-следственными документами. Поскольку задачей книги было изучение организации Павленко в контексте важных тенденций советского социально-экономического развития, большое значение имело обращение к литературе и архивным документам по широкому кругу вопросов. Результаты исследования этих контекстных источников читатель найдет в соответствующих разделах книги.

дова), далее AOSPRM.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283.

⁵³ Краткий обзор материалов трибунала в архиве Московского окружного военного суда (с 2019 года 2-й Западный окружной военный суд) см.: http://voen-sud.ru/about/delo_pavlenko.php (дата обращения 31.01.2017).

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176.

Глава 1

ПУТЬ К «ДЕЛУ ЖИЗНИ»

Жизнь Павленко, как и всех поколений советских людей, в 1930–1940-х годах разделилась по рубежу войны: до, во время и после нее. Именно в годы войны Павленко стал руководителем теневой строительной организации, работавшей хотя и реально, но под прикрытием фальшивой военно-строительной легенды. Именно в годы войны он применял и совершенствовал те методы взаимодействия с государственными структурами, которые позволяли ускользать из-под, казалось, тотального контроля, при этом находясь в относительной безопасности и получая прибыль.

Во время войны сформировалась новая социальная идентичность Павленко и его сотрудников. Все они развили не только важные профессиональные качества строителей и дельцов теневой экономики, но и навыки самосохранения и адаптации, использования государственной системы в собственных интересах. Успешность этого сценария жизни была для них очевидна. В документах по делу УВС отсутствует какая-либо информация о потерях в личном составе организации в годы войны. Если они и были, то не затронули ядро группы. Зато плечи Павленко и его сотрудников украшали фальшивые погоны, на груди сверкали ордена и медали, полученные преимущественно при помощи махинаций, а в карманах лежали немалые суммы денег, вырученных за счет манипуляций с трофейным имуществом и спекуляций на черном рынке. Это был весомый багаж, с которым можно было успешно открыть новую страницу послевоенной жизни.

Было бы неверно полагать, однако, что эти превращения произошли с героями книги во время войны с чистого листа. Предвоенная биография Павленко, хотя и очень скупое представление в имеющихся материалах, демонстрирует многочисленные предпосылки коренных изменений, случившихся с ним в годы войны. Молодой человек из небольшого украинского села, до начала войны он прошел путь, характерный для миллионов его сверстников в крестьянской индустриализирующейся стране. Обладая способностями и амбициями, он, как сын «кулака», оказался заперт в почти неподвижной кабине социальных лифтов.

Новое государство ценило преимущества «правильного» социального происхождения куда больше личных качеств. На годы становления Павленко и его будущих сотрудников пришлось страшное бедствие – голод, унесший несколько миллионов жизней и покалечивший болезнями еще много миллионов выживших. Очень рано Павленко пришлось столкнуться с угрозой репрессий и приобрести специфический опыт взаимодействия с советскими карательными структурами.

Именно в таких условиях Павленко учился активно и цинично относиться к предложенным ему обстоятельствам. Счастливо избежав самой плохой участи – участи террора, уготованной многим миллионам советских граждан, Павленко фактически оказался перед выбором. Он мог влачить жалкое существование подавленного и бесправного советского гражданина, незаметного и нищего настолько, чтобы не вызывать интерес у государства. Но он мог и попытаться избежать такой судьбы, вырваться за ее пределы, несмотря на стигму происхождения, тяготы и жестокость окружавшего мира.

Предпочитая второй сценарий, Павленко освоил необходимые жизненные навыки внутреннего эмигранта, «своего» среди чужих. Как и многие советские граждане, он вел рискованные, но не обязательно проигрышные игры с государством, активно приспосабливался к системе и манипулировал ее слабостями в своих интересах. Так постепенно появился на свет фальшивый «полковник инженерных войск», энергичный владелец теневого частного предприятия, бросивший вызов могущественному сталинскому государству.

До войны

Первые сложности в реконструкции биографии Павленко возникают уже при определении его возраста. С самого начала на допросах Павленко говорил, что по документам родился в 1908 году, а на самом деле – в 1912-м⁵⁵. Следствие и суд предпочитали, однако, верить документам. Расстрельный приговор в 1955 году он получил как «Павленко Николай Максимович 1908 года рождения»⁵⁶. Однако, обращаясь с просьбой об отмене расстрела, Павленко вновь утверждал: «Мне 43 года, так как рождения 1912 года»⁵⁷. Как и когда в документах Павленко появилось указание на 1908 год рождения и был ли верным 1912 год рождения, сказать трудно.

Другие факты биографии, приведенные Павленко на первых допросах, действительно свидетельствовали в пользу 1912 года. Так, семилетку, по его словам, он окончил в 1927 году. 15 лет – вполне подходящий для окончания школы возраст, 19 лет – уже многовато, хотя и вполне возможно. Мотивы, по которым Павленко настаивал на «настоящем» годе рождения после ареста, более очевидны. Павленко мог скинуть возраст, чтобы сослаться на молодость и незрелость в момент совершения преступлений. «Во время Отечественной войны сбился с правильного пути и не понимал существа лжестроительных организаций», – писал он, например, в ходатайстве о помиловании.

На тех же первых допросах, когда следователи госбезопасности и военной прокуратуры пытались составить представление о личности арестованного, всплыли и другие подробности его ранней биографии. В соответствии с принципами советской юриспруденции, прежде всего нужно было выяснить социальное происхождение обвиняемого. Оно могло иметь критическое значение. За одно и то же преступление гораздо более жестоко наказывались «социально чуждые элементы», бывшие «эксплуататоры» и враги большевиков. Самой значительной группой среди них были зажиточные крестьяне, «кулаки», несколько миллионов которых расстреляли, отправили в лагеря или вместе с семьями в ссылку во время сталинской коллективизации.

Происхождение Павленко с этой точки зрения было двойственным. Он признался (очевидно, понимая, что этот факт все равно станет известным), что родился в селе Новые Соколы Иваньковского района Киевской области в семье зажиточного украинского крестьянина. Семья владела 20 гектарами земли и паровой мельницей, имела рабочий скот и нанимала сезонных рабочих. Мать Николая умерла в 1918 году. Отец и двое старших братьев продолжали вести хозяйство. На первых допросах, рассказывая о своем происхождении и семье, Павленко называл только отца, мать и двоих братьев. Все они к тому времени уже умерли. В конце 1952 года косвенным образом он упомянул также сестру Анну Максимовну⁵⁸. Как будет показано далее, она сыграла определенную роль в жизни Павленко после войны.

Однако в турбулентные 1920-е годы сестра, как и сам несовершеннолетний Павленко, вряд ли определяла существование семьи. Хозяйством занимались отец и два старших брата. Скорее всего, избегая дискриминации в качестве «кулаков», Максим Павленко разделил имущество со старшим сыном Петром, которому отошла мельница. После смерти Петра примерно в 1926 году, по словам Павленко, мельница перешла к следующему брату Василию. Однако тот в 1927 или 1928 году продал ее и уехал на «строительство промышленных предприятий».

Причины такого шага, хотя о них Павленко и не упоминал, очевидны. Именно в этот период началось свертывание новой экономической политики и усилились репрессии против зажиточных крестьян. Те из них, кто был более предусмотрительным, предпочли «самораску-

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 151.

⁵⁶ Там же. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44.

⁵⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 121, 167.

латься», лишиться имущества, но сохранить жизнь и свободу, затерявшись на просторах огромной страны. На допросе Павленко показал, что примерно так поступил и его отец, когда коллективизация стала всеобщей: «Отец все свое имущество добровольно передал в колхоз и сам остался работать в колхозе, будучи принят туда». Похоже, что в отличие от многих других зажиточных крестьян Максим Павленко избежал ареста или ссылки и как-то интегрировался в новую колхозную действительность.

Если рассказанное Николаем Павленко на допросах – правда, то Павленко-старший, несомненно, обладал немалой гибкостью, которую унаследовал и его младший сын. Деревню в ходе форсированной и насильственной коллективизации накрыла волна террора и расправ над крестьянами. Помимо заключения в лагеря и расстрелов, в 1930–1931 годах 380 тыс. крестьянских семей общей численностью более 1,8 млн человек были направлены в специальные поселения в отдаленные районы страны⁵⁹. 200–250 тыс. семей (т. е. около миллиона крестьян), по оценкам историков, не дожидаясь репрессий, бежали в города и на стройки. Еще примерно 400–450 тыс. семей (около 2 млн человек) были выселены по так называемой третьей категории (в пределах своей области) и тоже, потеряв имущество, в большинстве ушли в города и на стройки⁶⁰.

На насилие деревня ответила восстаниями. Если за 1926–1927 годы органами ОГПУ было зафиксировано в общей сложности 63 массовых выступления в деревне, за 1929 год – чуть более 1300 (244 тыс. участников)⁶¹, то в 1930 году – 13 754 массовых выступления, в которых принимало участие около 3,4 млн человек⁶². Волнения происходили в основном на почве несогласия вступать в колхозы, а во многих случаях были попыткой защитить «раскулаченных» от арестов и выселения или церкви от закрытия⁶³. Многие выступления, как сообщало ОГПУ, проходили «под лозунгами свержения советской власти», руководились «повстанческими центрами», сопровождалась «разгоном сельсоветов, попытками расширения территории, охваченной выступлением, вооруженным сопротивлением властям». В ходе таких выступлений наблюдались «занятие основных стратегических пунктов и учреждений, выставление пикетов и заслонов, формирование отрядов или групп вооруженных и т. п.»⁶⁴. Значительная часть крестьянских выступлений (около 30 % в 1930 году) была зафиксирована в Украине.

В общем, Павленко-старший вполне мог пасть жертвой этой гражданской войны, организованной сталинским руководством. Вместе с тем у нас нет оснований не доверять свидетельствам Николая Павленко, что его отца прямые репрессии не затронули. К моменту сплошной коллективизации немолодой уже Максим Павленко вел свое хозяйство один (жена и старший сын умерли, средний и младший, а также, видимо, дочь уехали в города), и оно вряд ли могло быть значительным. Косвенным свидетельством в пользу сравнительно «мирного» вхождения Максима Павленко в колхоз служит тот факт, что следствие и суд не стали углублять тему «кулацкого» происхождения Николая Павленко.

⁵⁹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000 (автор раздела В. Н. Земсков). С. 277. В литературе называются и другие цифры, однако в целом они не очень значительно отличаются друг от друга.

⁶⁰ Данилов В. П., Ивницкий Н. А. Документы свидетельствуют. М.: Политиздат, 1989. С. 46–47.

⁶¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. / Гл. ред. совет: В. П. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакторы) и др. Т. 2: Ноябрь 1929 – Декабрь 1930 / Редкол.: Н. Ивницкий (отв. ред.) и др. М.: Росспэн, 2000. С. 789.

⁶² Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 804. По данным ОГПУ, в 1930 году в 10 тыс. выступлениях (из 13,8 тыс.), по которым были собраны данные, участвовали 2,5 млн человек. Предполагая, что в среднем на одно выступление приходилось 245 человек, мы получаем, что во всех 13,8 тыс. выступлений участвовали около 3,4 млн человек. Следует, однако, учитывать, что, скорее всего, отчеты ОГПУ были неполными.

⁶³ См. подробнее: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Росспэн, 2010.

⁶⁴ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 805, 808.

На одном из первых допросов сотрудник госбезопасности, как и положено, зафиксировал эту линию: «Следовательно, ваша семья имела кулацкое хозяйство?» Однако вполне удовлетворился объяснениями Павленко: «Хозяйство нашей семьи считалось или кулацким, или зажиточным, я точно не знаю. Сам лично я в хозяйстве систематически не работал, в основном учился»⁶⁵. В дальнейшем во всех документах, вплоть до приговора суда в отношении социального происхождения Павленко, применялась формула «из крестьян-кулаков»⁶⁶. О «раскулачивании» (аресте или депортации) Павленко-старшего, что было бы дополнительным выигрышным обвинением против самого Павленко-младшего, не говорилось. Хотя выявить этот факт было бы несложно.

Скорее всего, соответствовали действительности и слова Павленко о том, что он фактически порвал с семейным хозяйством и переключился на учебу. Вряд ли это был выбор самого молодого Павленко, который в любом случае нуждался в поддержке из дома. Однако, учитывая поведение отца и старших братьев, можно предположить, что они были людьми достаточно гибкими и понимающими веяния времени. Младшему в семье был прямой путь в школу. Как утверждал Павленко, в 1927 году он окончил школу-семилетку. Это было лучшее образование из того, что можно было получить тогда в советской деревне. В Новых Соколах семилетки не было, поэтому пришлось ходить (или переехать?) в соседний район⁶⁷.

В 1928 году, как и старший брат, Николай покинул деревню. Первоначально он устроился на строительство автомобильных дорог в Белоруссию. Семилетнее образование в плохо образованной стране было неплохим стартом. Павленко окончил курсы десятников и стал дорожным мастером. В 1930 году он поступил в Минский политехнический институт на автодорожный факультет. Обучался там до начала 1932 года. Причины, по которым бросил институт, Павленко не называл. В публицистических работах о Павленко можно встретить утверждение, что он бежал из института, опасаясь разоблачения «кулацкого» происхождения. Однако не менее убедительно могут выглядеть и другие объяснения. Учитывая темперамент Павленко и его интерес к практическим предприятиям, нетрудно предположить, что учеба тяготила его.

Немаловажным фактором, менявшим жизненные планы многих молодых людей, стал нараставший голод, пик которого пришелся на 1932–1933 годы. Современные оценки прямых жертв голода составляют около 6 млн смертей и даже выше⁶⁸. При этом невозможно, например, подсчитать, сколько людей в результате голода перенесли тяжелейшие заболевания, остались инвалидами и умерли несколько лет спустя после того, как голод превратился в обычные для СССР перманентные продовольственные трудности. Многие крестьяне ринулись из голодающих деревень в более благополучные города и районы.

Власти пытались жестко пресечь эти передвижения, лишая людей последних средств для спасения. В директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предотвращении выезда крестьян из Украины и Северного Кавказа, подписанной Сталиным и Молотовым 22 января 1933 года, утверждалось, что эти выезды крестьян за хлебом на самом деле организованы «врагами советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации „через крестьян“ в северных районах СССР против колхозов и вообще против советской власти». Такая трактовка была обоснована репрессиями против голодающих мигрантов⁶⁹. 25 марта 1933 года руководство ОГПУ докладывало Сталину, что за время с начала операции в январе общее количество задержанного «беглого элемента» составляло 225 тыс. человек, из них были возвращены на места

⁶⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 36.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44.

⁶⁷ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 36.

⁶⁸ Дэвис Р., Виткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: Росспэн, 2011. С. 421.

⁶⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634–635.

жительства более 196 тыс., а остальные привлечены к судебной ответственности, направлены в лагеря и ссылку и т. д.⁷⁰

Семья Павленко была среди тех, кому удалось избежать худшего. Николай Павленко и его старший брат к тому времени уже уехали в города, где голод был относительно менее жестоким. Их отец, как утверждал Николай, «в 1932 г. или 1933 г. из села выехал к брату Василию и проживал там до своей смерти – января 1943 г.»⁷¹. Это заявление выглядит вполне правдоподобно. Младший Павленко ушел из института. Студенческий паек был куда меньше, чем снабжение на производстве. Многие в те годы не досиживали положенный срок на студенческой скамье и заполняли рабочие места, тем более что их выбор в стремительно индустриализирующейся стране был значительным. Павленко вернулся к постройке автодорог в Белоруссии, очевидно на должностях низового руководителя.

В начале 1933 года он перебрался из Белоруссии в Воронежскую область. Работал в Липецке прорабом и помощником прораба на строительстве оборонного завода, а затем в Ельце – прорабом и старшим прорабом на реконструкции кожевенного завода. Частая смена рабочих мест была обычным явлением и бичом советской экономики. Ни один директор завода, начальник цеха или строительного участка не знал, сколько людей на следующий день выйдет у него на работу.

Официальная пропаганда клеймила работников, переходивших с предприятия на предприятие, как «летунов», новых деревенских рабочих, зараженных мелкобуржуазным сознанием прошлого. На самом деле в нищей стране люди просто искали лучшие условия труда и жизни, а в голодные годы спасались от смерти. Вполне возможно, переход Павленко на оборонное предприятие тоже был связан с попыткой избежать голода. Однако, похоже, в полной мере она не удалась. В 1934 году Павленко заболел малярией. Многочисленные эпидемии были непременным спутником голода и его отдаленным последствием. Судя по всему, Павленко был одной из жертв этого эха.

После выздоровления в жизни Павленко произошел поворот, имеющий немалое значение для его дальнейшей судьбы. Он перешел на работу в систему промысловой кооперации. В советской экономике кооперация занимала специфическое положение. Как было показано во введении к этой книге, несмотря на явную тенденцию огосударствления кооперации, в ней сохранялись некоторые возможности для экономической самостоятельности и инициативы, правда, в большинстве случаев нелегальной. За фасадом кооперации нередко скрывались частное предпринимательство и различные теневые схемы хозяйственной деятельности. Соответственно, возможности получения относительно высоких доходов были сопряжены здесь с повышенными рисками различных репрессий.

Мы не знаем, в какой степени эти общие тенденции развития кооперации касались Павленко. Сохранившаяся в материалах следствия информация о его довоенной кооперативной карьере имеет общий, преимущественно анкетный характер. Известно, что сначала Павленко работал заведующим участком от промкооперации на строительстве оборонного завода «Новая Тула». Затем, видимо, в составе той же кооперативной организации Павленко перешел на строительство завода синтетического каучука в Тульском районе⁷². Иначе говоря, кооперативная артель, в которой служил Павленко, выполняла строительные работы для государственных предприятий. Это была обычная практика привлечения дополнительных сил на основа-

⁷⁰ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 3. Кн. 2. 1932–1934 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: Росспэн, 2005. С. 353–354. Начавшись с организации кордонов в Украине и Северном Кавказе, операция «по пресечению массовых выездов» распространилась на беглецов и из других регионов (Там же. С. 272–274, 282). Однако наиболее масштабными оставались задержания украинских и северокавказских крестьян.

⁷¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 36.

⁷² Ibid. F. 37.

нии договора подряда. В будущем Павленко станет широко пользоваться таким методом, когда организует собственную строительную корпорацию.

Один из довоенных эпизодов карьеры Павленко свидетельствует, что он уже тогда мог быть причастен к теневым кооперативным схемам. Как говорилось в материалах следствия, в 1935 году он «арестовывался прокуратурой Ефремовского района Московской области по Закону от 7 августа 1932 г.». Обстоятельства и причины этого ареста неизвестны. Очевидно, речь шла о каких-то хищениях или иных злоупотреблениях, которые можно было трактовать как хищения государственной собственности. Упомянутый закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» был принят в разгар голода по личной инициативе Сталина. Расхитители были названы в этом документе «врагами народа». Сталин, подчеркивая особое значение этого акта, называл хищения контрреволюционным преступлением⁷³

⁷³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 208.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.